

Анна Станиславовна Губанова:

- Моя родина - Белоруссия... Немцы шли по родной земле. Громыхали взрывы снарядов, горели дома, хлебные поля. Мама моя собирала нас во время налётов и бомбёжек, уводила в более безопасное место, каким была яма в огороде, где обычно хранили картофель, или подполье в доме. Яма была сырая и душная, обросшая по бокам плесенью и мхом. Спали одетыми и всегда были готовы куда-то бежать, спастись от смерти.

Не гудел фабричный гудок, жители посёлка не выходили на улицу. Кругом слышалась чужая речь. Фашистские солдаты врываются в дом, забирали всё съестное. При этом маму ставили к стене, нацелив на неё пистолет. Обыскивая жильё, они находили нас, перепуганных детей, под кроватью. Вытаскивали и бросали в угол. Мне казалось, что так было всегда. Хотелось плакать от незащитности перед жестокостью, от горькой обиды.

Долго обходила нас смерть, и все же постучала в наш подземный дом. Фашисты с ружьями распахнули дверцу погреба и закричали: «Шнель, шнель!» Вывели к дороге, где уже были собраны жители посёлка. Взрослые обо всём догадывались, а дети, в большинстве, не понимали. Только потом я узнала, что согнали нас в кучу для того, чтобы расстрелять у единственного в посёлке трехэтажного дома. Окна в этом доме были распахнуты настежь. В окнах – немецкие солдаты, и кто-то из них играл на губной гармошке...

Дальше случилось непредвиденное: в небе появился самолёт, потом ещё один... Толпа обречённых ахнула и сжалась. Мы придвинулись друг к другу: вместе не так страшно умирать. Кругом всё грохотало, рвалось, горело. А когда затихло, люди осмелились посмотреть в пустое небо, и кто-то сказал: «Наши!» Мы все были целы, только захватчики драпанули. Опустели окна в доме, не играла губная гармошка.